

ДОМ В ЗЕРКАЛЕ СРАВНЕНИЙ РУССКИХ И КАЗАХСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В статье предложен когнитивный анализ сравнительных конструкций на материале рассказов русских и казахских писателей первой половины XX века. Сравнения рассматриваются в аспекте отражения в них языковой картины мира авторов. Анализ данного образного средства позволяет выделить объекты действительности, зафиксированные различными лексемами, отражающими концептосферу «дом» в сознании представителей русского и казахского этносов.

В каждом языке существует определенная точка отсчета, через которую преломляется формирование образных представлений у носителей определенного языка. По определению Э.Сепира, «словарный состав представляет собой очень чувствительный индикатор культуры народа, и изменение значения, утрата слов, создание и заимствование новых – это связано с историей культуры» [Сепир 1973: 62]. Сам отбор предметов и явлений для создания образов сравнения раскрывает разные стороны исторического развития народа, его национальной культуры, духовного склада и мирозерцания.

Источником специфики мыслительной деятельности носителей разных языков является чувственно воспринимаемая действительность, все явления, так или иначе затрагивающие душу человека: строение организма, окружающая природа (флора, фауна, климатические и географические условия), быт, весь опыт и переживания, – всё это оказывает влияние на язык. «На языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть *мир*. Для человека мир есть ‘тут’ в качестве мира; <...> тут-бытие мира есть бытие языковое» [Гадамер 1988: 512]. При вербальном кодировании обозначение в виде отдельных лексических единиц получает то, что играет важную роль в жизни человека (нации), что является ценностным для него. «Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналами лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие» [Карасик 1996: 4]. Место любой реалии в системе культурных ценностей – независимо от того, принадлежит эта реалия нерукотворному миру или создана руками человека, – может быть определено лишь через ту роль, которую данный денотат играет в жизни людей. Через восприятие личности дается толкование большинства слов. На этом основании можно говорить об антропоцентричности сравнитель-

ных конструкций, и поэтому, анализируя семантику сравнения, можно вывить важные для этнокультурного сообщества сферы.

Являя собой слепок картины мира, данная система сфер выстраивается не беспорядочно, а всё на том же принципе антропоцентризма: для человека точка отсчета – сам человек, в основе всего – сравнение с человеком. Участок наивной картины мира, зафиксированный системой специализированных объектов, также концентрируется вокруг человека и проецируется на него. В философской литературе высказывается идущая еще от Ф.Бэкона мысль о «троеначалии» жизни: все вокруг группируется в «три большие категории, три космоса – мир Вселенной, мир общества и индивидуальный мир. Человек способен как бы вживаться в образ каждого из этих миров, отождествляться с ним» [Никитин 1991: 10]. Эта мысль позволяет принять постулат о «биопсихосоциальной природе человека», которая является концептуальным ядром, вокруг которого формируется и развертывается определенная система понятий: ощущений, восприятий, мышления, осознания и сознания, формируется определенная система понятийно-содержательных смыслов [Малинович 2006: 879-885].

Исследованная нами система лексических единиц легко укладывается в эти три категории, и, таким образом, наивная картина мира, отраженная системой объектов сравнения, представляет собой три концентрических круга: индивидуальный мир, социальный мир, природный мир. Сознание личности отражает и, упорядочивая, закрепляет в языке окружающий мир и личный мир, поэтому перспектива наивной картины мира располагается по двум направлениям – «внешний» и «внутренний» обзор. При этом зоны окружающего и личного мира соотносительны: внешний мир рассматривается человеком сквозь «прорезь» своего мира. По обоим направлениям картина мира складывается из ярусов (концентрических кругов), и каждый последующий ярус есть отражение более отдаленного от человеческого бытия участка мира. В зоне личного мира выделяются следующие сферы: человек как индивид, биологическое существо; человек как личность, социальный субъект; человек мыслящий и чувствующий. В зоне окружающего мира представлены три соотносительные сферы: дом, социум, природа. В настоящей статье мы предложим читателю описание лишь одной из сфер окружающего мира – дом.

По утверждению В.А.Масловой, концептосфера «дом» занимает второе место в сознании русских после осознания себя как человека. «Родной дом – это первая вселенная человека, объединяющая его воспоминания, мысли, мечты» [Маслова 2005: 235]. Родной дом всегда вызывает положительные ассоциации: ... *среди желтой травы стоит голубой колокольчик. Да такой большой, такой ладный – что твой дом!* (Э.Шим. Те-

ремек). Дом в произведениях русских и казахских авторов представлен несколькими лексическими группами: дом как жилище, как предметы обихода и как набор продуктов питания.

Жилище. Для русских авторов дом – это либо безопасное и уютное пространство для проживания (например, деревня), либо строение, а также крепость: *И ночью, в темноте, на берегу вдруг стали мигать красные огоньки, – знаете, вроде как в деревне, в человеческих жилищах* (Э.Шим. Приключения зайца); *Сидишь в старенькой избе, как в крепости, решаешь задания на завтра...* (К.Паустовский. Записки Ивана Малявина).

При этом дом может иметь разный вид: *небоскреб, шатер, шалаш: ...у них, зверушек и птиц, с этажами не как у нас в небоскребах...* (М.Пришвин. Этажи леса); *...нижние ветки ели сложились шатром* (М.Пришвин. Лесной шатер); *А бабочка уже сидела на синем, похожем на шалашик, цветочке* (Ю.Дмитриев. Тропинка в лесу).

В сознании казахского народа дом – это, прежде всего, юрта. При этом казахские писатели XX века запечатлели в своих сравнениях разницу между юртой бедного и богатого человека: *А еще выше, будто выхваченная солнцем из ночи, сияла круглая снежная вершина – недоступная, почетная белая юрта* (М.Ауэзов. Выстрел на перевале); *...и в сердце его, как в бедняцкой юрте, было пусто и голо* (М.Ауэзов. Выстрел на перевале).

Как в русском, так и казахском языковом сознании дом – это центростремительный перекресток всех жизненных путей человека, сходящихся у родного очага: *Закопался в сугроб, уткнулся носом в хвост, и кровь не застыла в его жилах, грела лучше, чем очаг юрту* (М.Ауэзов. Серый Лютый). Очаг (или печь) в сравнительных конструкциях русских авторов представлен такими его составляющими, как *печная труба, огонь, сажка, дым, полено, уголек*: *Вдруг сверху ещё воробей слетел. Растрепанный такой, чумазый. Словно из печной трубы вывалился* (Э.Шим. Самый жадный); *Но вдруг обледенелые деревья вспыхивали желтым огнем...* (К.Паустовский. Правая рука); *В нем (озере) водился крупный окунь, черный, будто вымазанный сажей* (К.Паустовский. Записки Ивана Малявина); *Получая подарок, Выюшка развернула колечко своего хвоста и опустила его вниз поленом* (М.Пришвин. Выскочка); *В багряных листьях у меня ягоды поспели. Одна к другой – чистые, блёсткие, будто угольки пламенные...* (Э.Шим. Калина). Лексему *угли*, а также *головешка* находим в качестве объектов сравнения и в рассказах казахских авторов: *Глаза у него светились, как у волка, но не зеленым, а красноватым огнем, точно горячие уголки* (М.Ауэзов. Серый Лютый); *Пробитая пулей ляжка горела, точно опаленная головешкой из костра* (М.Ауэзов. Серый Лютый).

Довольно частым агентом сравнения у русских и казахских авторов является лексема *дым*: *Чуть выше, подобно клубам дыма, висели облачка, багровые снизу* (М.Ауэзов. Сиротская доля). Дым бывает разноцветным (зеленым, белым, розовым), а бывает праздничным: *Ленивое течение колышет мягкие, как зеленый дым, травы* (Э.Шим. Верное время); *Весна – светло-зеленая... она как дым...* (Ю.Дмитриев); *Близкий сосновый лес поседел от снегопада и, казалось, курился дымом* (К.Паустовский. Записки Ивана Малявина); *Он (штиль) лежал над морем, как праздничный дым* (К.Паустовский. Толя-капитан).

Немаловажной составляющей жилища русского человека является баня. Естественно, что она употребляется русскими авторами в качестве объекта сравнения: *Ветки от дождя – блестящие, распаренные, словно из бани* (Э.Шим. Береги!).

Предметы домашнего обихода. Самой многочисленной является группа лексики, называющая предметы обихода русского и казахского дома первой половины XX века. Здесь целесообразно выделить несколько лексических подгрупп.

Предметы быта. В русских текстах находим большое количество номинаций предметов быта. Это *зеркало, стол, керосиновая лампа, лампадное масло, свеча, воск, корыто, половики, рогожи, папиросная бумага: ...ползет по дну рак величиной с бабкино корыто...* (К.Паустовский. Дремучий медведь); *...на отдельных осинах висел желтый хмель, будто кто-то развесил сушить на солнце новые рогожи* (К.Паустовский. Подпасок). В сравнениях казахских писателей находим предметы быта степняка-кочевника, скотовода и охотника (*камча, кнут, аркан, порох, стрела, тетива*): *В другое время она поражала своей неженской волей, хозяйственной сметкой, властностью, обжигавшей, как камча* (М.Ауэзов. Красавица в трауре); *Свистнул соловей <...> Ещё свистнул и затрещал, защелкал хлестко, подобно маленькому кнуту* (М.Ауэзов. Красавица в трауре); *Серый Лютый летел, как стрела* (М.Ауэзов. Серый Лютый).

Кухонная утварь. Эта лексическая подгруппа представлена в русском языке лексемами *чайник, стакан, поднос от самовара, блюдо, сковорода, терка, бутылка: Паровоз, похожий на чайник, сердито засвистел на него...* (К.Паустовский. Ленка с малого озера); *...караси величиной с поднос от самовара...* (К.Паустовский. Воронежское лето). У казахских авторов находим лишь лексему *блюдо*: *В черном бурани дыма и пыли <...> тусклым маленьким красным блюдцем появилось за краем холма солнце* (Г.Мусрепов. Солдат из Казахстана).

Постельные принадлежности. Данная группа лексики немногочисленна в обоих языках. В русском находим лексемы *одеяло, подушка, пери-*

на: ...пока зима не прикроет их, как ватным одеялом, глубоким снежком (К.Паустовский. Заботливый цветок); ...пень под ней осел, как подушка (М.Пришвин. Пень-муравейник); По вечерам солнце косыми лучами ложится на рожь. Тогда каждая полоска ржи, как перина... (М.Пришвин. Рожь поспекает). В казахских текстах находим обобщающую лексику *постель*: *Пожалуй, в них и не печаль, а скорее мольба, наивная и трогательная, как убранный её руками нищая постель* (М.Ауэзов. Сиротская доля).

Одежда. В роли агента сравнения национальные предметы одежды встречаем у казахских авторов: *Беды лепятся к бедняку, точно заплатки к изношенному чекмену* (М.Ауэзов. Выстрел на перевале); *Бахтыгул слышал её голос точно сквозь ватный халат* (М.Ауэзов. Выстрел на перевале); *Черный холм, точно меховой шапкой, покрыт низкорослыми кустами караганняка и таволги* (М.Ауэзов. Серый Лютый). В русских рассказах из предметов одежды встречаем только *лапоть* да *платочек*: *Родионыч, в отличие от всех охотников, зайца называл не «косым чертом», а всегда «синим лаптем»; удивляться тут нечему: ведь на черта заяц не более похож, чем на лапоть, а если скажут, что синих лаптей не бывает на свете, то я скажу, что ведь и косых чертей тоже не бывает* (М.Пришвин. Синий лапоть); *Вдруг впереди, на сосне, белое пятнышко, как платочек...* (Э.Шим. Белый хвостик).

Предметы женского рукоделия. Предметы рукоделия русской женщины – *иголка, нитки, пряжа, бисер, наперсток, салфетка, пуговица: Паутина <...> пряжей налипала на весла, на лица, на удилица, на рога коров* (К.Паустовский. Желтый свет); *Мы осторожно дышали на них (снежинки), и они превращались в чистые капли воды, потом мутнели, смерзались и скатывались на землю, как бисер* (К.Паустовский. Прощание с летом). Для казахского сознания ценными являются ткани *парча, шелк*, которые издревле ценились на востоке: *В мягком свете вечерней зари чистая холеная шерсть скакунов поблескивала, как парча* (М.Ауэзов. Выстрел на перевале); *В голубоватом мареве, словно за прозрачной шелковой занавеской, показались на тонкой дуге дороги конные* (М.Ауэзов. Выстрел на перевале).

Орудия труда и механизмы. В русском языке в качестве объектов сравнения присутствуют как орудия труда, так и механические приспособления: *молот, серп, лопата, веялка, насос: ...когда синицы все сразу клевали, то было похоже, будто по столу торопливо бьют десятки белых молоточков* (К.Паустовский. Жильцы старого дома); *Но тут пеликан <...> начал отчаянно бить крыльями и притопывать утиной лапой. Со стороны было похоже, будто пеликан качал тяжелый насос* (К.Паустовский. Последний черт). Примечательным является то, что в

сознании казаха, в основной своей массе скотовода-кочевника, определенное значение имеют орудия труда землепашца (*мотыга, серп, цеп*): *А того засадил в навоз с головой, как мотыгу под корешок* (М.Ауэзов. Выстрел на перевале); *Свежий снег взвивался красно-сиреневыми космами и серпами* (М.Ауэзов. Сиротская доля); *Вода была, трепала и молотила Бахтыгула от затылка до пят, словно тысячью дубин, тысячью цепов, сдергивая, срывая с коня* (М.Ауэзов. Выстрел на перевале).

Продукты питания. Гастрономические пристрастия русских и казахов характеризует группа лексики «продукты питания». «Русская кухня вполне была национальна, т.е. основывалась на обычае, а не на искусстве» [Костомаров 1993: 56]. То же самое можно сказать и о кухне казахского народа. Так как в России с глубокой древности возделываются злаковые культуры, то русские давно овладели техникой изготовления муки, теста и тайнами выпечки. Среди объектов сравнения находим, прежде всего, такие номинации, как *мука, тесто, пирог*, то есть *хлеб* и *соль*, чем на Руси всегда гостей потчевали, а также другие продукты: *мед, молоко, чеснок, огурец, белок, сыр*: *Ромка (пес) стоит на поляне неподвижный <...>, против него, очень близко – тигровый кот: спина горбатым деревенским пирогом, хвост поднимается и опускается* (М.Пришвин. Ужасная встреча); *Уже утром понижию траву обсыпает инеем, будто солью* (Э.Шим. Пугливая осина); *...солнечный свет, затопивший рязанские дали, казался жидким медом* (К.Паустовский. Золотой линь); *Этот утенок, как и все другие, был ростом с небольшой огурец* (М.Пришвин. Изобретатель); *...старый пень, весь покрытый, как швейцарский сыр, дырочками...* (М.Пришвин. Пень-муравейник). Не остались без внимания и знаменитые русские щи: *Воды в пруду по колено, да и та зеленая, как щи* (Э.Шим. Старый пруд).

Казахская кухня изобилует продуктами питания животного происхождения. Это *масло, жир, мясо, кумыс, яйцо*: *Улыбка расплылась по его щекам, как круги по растопленному бараньему жиру* (М.Ауэзов. Выстрел на перевале); *Нож отменный, мясо режет, как масло* (М.Ауэзов. Выстрел на перевале); *Зимой горы обволакивает сугроб, круглый, как яйцо* (М.Ауэзов. Сиротская доля). Зафиксировано в сравнениях и такое лакомство казахов, как *костный мозг*: *Макаш без передышки отпил половину кесе кумыса: – Ах, как мозг костей! – восхищенно проговорил он...* (С.Санбаев. Времена года нашей жизни). И дополняет картину казахской кухни национальный напиток казахов – *чай*: *Молодухи – ровно горячий чай, я от них таю* (М. Ауэзов. Красавица в трауре).

Таким образом, анализ ассоциативных полей, возникающих в сознании говорящего при сравнении одних предметов или явлений действи-

тельности с другими, то есть агентов, привлекаемых сознанием автора для сравнения, позволяет зафиксировать определенную картину мира. В нашем исследовании четко определилась картина домашнего быта русского и казахского народа, запечатленная литературными произведениями русских и казахских авторов первой половины XX века. А это значит, что исследование компаративных конструкций определенного языка позволяет глубже изучать языковую картину мира этноса, говорящего на данном языке.

ЛИТЕРАТУРА

Гадамер 1988 – *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988.

Карасик 1996 – *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.

Костомаров 1993 – *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа: Утварь, одежда, пища и питье, здоровье и болезни, нравы, обряды, прием гостей. М., 1993.

Малинович 2006 – *Малинович Ю.М.* Семиосфера внутреннего мира человека: Проблема семантики эгоцентрических категорий // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В.Пименова. Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8. Кемерово: КемГУ, 2006.

Маслова 2005 – *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. 2-е изд. Мн.: ТетраСистемс, 2005.

Никитин 1991 – *Никитин Е.П.* Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? // Вопросы философии. 1991. № 8.

Сепир 1973 – *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. Пер. с англ. М., 1973.